

УДК 321.011

Власть и сопротивление в политическом процессе

Скиперских Александр Владимирович

Доктор политических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Национальный исследовательский университет,
Высшая школа экономики,
614070, Российская Федерация, Пермь, ул. Студенческая, 38;
e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Аннотация

Отношения между властью и сопротивлением находятся в постоянной динамике. В данной статье автором представляются возможные сценарии взаимодействия между властью и сопротивлением. Все сценарии, так или иначе, говорят о существовании политической практики с доминирующим актором – правящей элитой, либо оппозиционной элитой. Автор считает, что вероятен еще один сценарий, когда власть и сопротивление обладают приблизительно равными шансами на контроль над политическим дискурсом, что свидетельствует о существовании в рамках конкретного режима реальной демократической практики, выражающейся в конкуренции и вероятности непредсказуемых исходов противостояния между властью и оппозицией.

Для цитирования в научных исследованиях

Скиперских А.В. Власть и сопротивление в политическом процессе // Теории и проблемы политических исследований. – 2014. – № 5. – С. 14-25.

Ключевые слова

Власть, сопротивление, оппозиция, оппозиционная элита, политический процесс, правящая элита, протест.

Введение

Онтологический характер власти, предполагающий ее вневременной и всепроникающий характер, распространяется и на ее диалектическую оппозицию – сопротивление. Власть существует тогда, когда есть сопротивление, и, наоборот, сопротивление невозможно без власти, иначе оно изначально теряет свой смысл. Власть тогда лишается смысла, если устраняется объект ее притязаний.

Безусловно, опыт взаимодействия власти и сопротивления не всегда представляется в какой-то оптимальной формуле. Политическая практика показывает, что возможности власти и сопротивления расширять свое влияние реализуются с различным успехом. Политический атлас современности показывает, что могут существовать различные типы политических режимов, а значит и формат взаимоотношений между властью и сопротивлением может варьироваться от практик, когда власть окончательно и бесповоротно доминирует в политическом дискурсе и, заканчивая ситуациями, когда правящая элита постоянно сдерживается влиятельной оппозицией. Ресурсы оппозиции в данном случае будут серьезно затруднять для правящей элиты чрезмерное доминирование.

Политический процесс представляется в постоянном взаимодействии диалектической оппозиции «власть – сопротивление». Власть постоянно демонстрирует себя в публичном пространстве, напоминая обществу о своем существовании, равно, как и выражение несогласия с властью и появление практики сопротивления есть неотъемлемая часть исторического и политического процесса. Как отметил М. Фуко, бунтующий человек раз и навсегда проникает в историю и «оживляет ее своим дыханием» [Фуко, 2011, 16].

Нам представляется довольно интересным, как складываются отношения между бунтующим человеком, представляющим сопротивление, и официальными институтами, обналиченными властью.

Политическая практика показывает, что отношения власти (А) и сопротивления (В) в политическом процессе имеют различные траектории развития, поэтому их можно представить себе в трех сценариях.

Власть сильнее сопротивления

Первый сценарий предполагает, что власть сильнее сопротивления. Выразим это в следующей формуле взаимоотношений между А и В, где $A > B$.

Конечно, это наиболее распространенный сценарий. Власть обладает огромными ресурсами, ее позиция означает очень много. Данная формула подчеркивает сильное субъектное начало в А, и, наоборот, говорит о невысоких возможностях В. Сопротивление в диалоге с властью оказывается невыразительным, правящая элита полностью доминирует в политическом дискурсе. Сопротивление превращается в статиста и молчаливо наблюдает за единоличным правлением. Протестные настроения в обществе реализовывать не принято, и со временем, в обществе пропадают какие-либо устремления, связанные с выражением собственного взгляда на политический дискурс. Общество тотализируется властью настолько, насколько это необходимо самой властью. Общество понимает необходимость подчинения в качестве необходимой данности. Таков доминирующий тип политической культуры, при котором, следуя мысли Ю. Хабермаса «горизонт интерпретаций» [Хабермас, 2001, 364-365], существующий в обществе, не располагает к каким-либо ярким публичным дискуссиям по поводу оптимальности выбранной модели развития и политического самоопределения нации.

Обреченность диалога власти и сопротивления может быть характерна для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Именно в данных типах режимов мы встречаемся с примерами сильных институтов власти и слабого сопротивления, институты которого практически не представлены в официальном дискурсе, что приводит к их маргинализации и полуполюгальному функционированию. Попытки акцентировать внимание власти на тех или иных проблемах со стороны определенной части политического спектра, (в частности, интеллектуалов, периодически выступающих от имени общества) зачастую бывают обречены на провал [см. Скиперских, 2011]. Институты гражданского общества в подобных системах отсутствуют, либо представляют собой псевдодемократические, декоративные институты, создающие видимость демократических процедур. Более того, данные институты зачастую сроста-

ются с властью, являясь ее продолжением, дублируют ее функции, а в случае необходимости, выступают и в качестве ее obsługi (региональные и муниципальные Общественные палаты, молодежные парламенты, молодежные правительства в России).

Безусловно, данный сценарий не может свидетельствовать о том, что власть и сопротивление находятся в диспозиции, которая определена раз и навсегда. Динамический характер развития политического процесса ставит под сомнение прочность любой диспозиции. «Человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах», – в свое время недоумевал Ж.Ж. Руссо [цит. по: Гуревич, 2002, 224]. Должно было пройти нет так уж и мало лет, чтобы человек вдруг понял, что он может нарушать сложившийся порядок вещей, подвергая сомнению свою онтологическую подчиненность, подвергая ее серьезной ревизии.

Легитимность власти уже не кажется данностью и вечным, врожденным признаком той или иной правящей элиты. Легитимность начинает периодически оспариваться – это правило распространяется на все типы политических систем. Как мы видим, сомнение в справедливости безусловных притязаний власти на политический дискурс охватывают даже монархические системы, где, казалось бы, общество готово признавать смыслы безусловной природы монаршей власти, транслируя их другим поколениям. Ярким примером может быть революция в Иране в 1979 г., или череда протестов и переворотов в некоторых государствах Северной Африки и Ближнего Востока в 2010 г., получивших название «арабской весны».

Власть и сопротивление: тактическое взаимодействие при равных возможностях

Второй сценарий предполагает, что власть и сопротивление наделены приблизительно равными ресурсами и возможностью аккумулировать вокруг себя общественную поддержку. Данный сценарий может быть выражен в следующей формуле взаимоотношений между А и В, где $A = B$.

Сценарий, при котором оппозиция имеет равные, либо приблизительно равные с властью шансы на политический дискурс свидетельствует о демо-

кратичности политического режима. Даже если власть и хочет подавить оппозицию и укрепить свою позицию, у нее не выходит сделать это по причине ограниченности средств давления на оппозицию. Правящая элита может стать заложником и некоей демократической этики, предполагающей, что оппонентов необходимо выслушивать, что с ними необходимо вести диалог и т.д.

В свою очередь, сопротивление прекрасно понимает слабость власти и продолжает наращивать давление, рано или поздно приводящее к циркуляции политических элит. Власть оказывается под серьезным прессингом и давлением, что вынуждает ее принимать непопулярные решения, что активизирует деятельность оппозиции и критику. Отсутствие у правящей элиты убедительных рычагов для преодоления кризисов легитимности предоставляет соперникам власти – оппозиционной элите неплохие шансы для утверждения во власти. Таким образом, к власти приходит оппозиция, которая, как правило, в демократических режимах повторяет путь предыдущей элиты. Если говорить о примерах, то наиболее актуальным на сегодняшний момент будет опыт современной Украины. На наш взгляд, показательно, что в условиях низкого доверия к официальным институциям, власть пытается поддержать свою легитимность за счет инкорпорации во власть представителей оппозиции, известных общественных деятелей, представителей медиа-индустрии, полевых командиров, получивших общественное признание и представляющих собой часть гражданского общества.

«Жизнь гражданского общества требует постоянного и взаимного признания различий со стороны субъектов, постоянно взаимодействующих между собой» [Скола, 2013, 17], – отмечает итальянский философ А. Скола, и с этим тяжело не согласиться. Кажется, что современная политическая ситуация в Украине и есть трудное и болезненное воплощение этих самых различий, сотнями лет формировавшимися в европейском культурном пространстве.

Смена власти является испытанием для политической системы. Вопрос заключается в том, насколько новая элита, пришедшая к власти, будет следовать взятому курсу на авторитаризацию/демократизацию политической системы. Сохранение определенной преемственности, при которой власть может отчуждаться и переходить от элиты к элите, безусловно, будет предполагать

наличие определенных базовых основ демократии. Наоборот, пришедшая к власти оппозиция может взять курс на авторитаризацию, выбрав путь «закручивания гаек», что будет означать авторитарный дрейф и попытку устранения с политического поля своих основных конкурентов.

Попытка разделаться с конкурентами может быть замаскирована под благовидные предлоги. В различных политических системах политический дискурс по-своему определяет национальные версии подобной «охоты на ведьм». Это могут быть и прямые репрессии (внутрипартийная борьба за власть в СССР при И. Сталине), этнический геноцид (война в Руанде), люстрация политиков, принадлежащих к прежней элите (опыт посткоммунистической Польши), вплоть до запрещения деятельности политических партий, так или иначе связанных с национальными травмами.

Безусловно, мифотворчество становится прерогативой новой элиты, именно она и формирует круг авторов, кому будет поручено работать над новым учебником истории, создавать новые героические иконостасы и формулировать новую идеологию в отношении тех или иных моментов истории. Конечно, представленный нами сценарий не всегда приводит к узурпации власти оппозиционной элитой, на глазах претерпевающей удивительную метаморфозу, и перерождающейся в новый закрытый класс. Данный вариант – дефектный, он представляет собой исключение из правил, хотя современный политический процесс изобилует примерами авторитарных мутаций политиков – демократов. В качестве примера можно привести М. Саакашвили после «революции роз», с его попытками затруднить жизнь оппозиционным СМИ.

Впрочем, отношения между властью и сопротивлением в приводимом сценарии вовсе не обязательно должны сводиться к какой-то результирующей формуле, где сразу же будет установлена подчинительная диспозиция одного в отношении другого. Отношения власти и сопротивления должны напоминать позиционное взаимодействие, тактические игры, размен и уступки друг другу. В принципе, данная ситуация свидетельствует о том, что взаимодействие осуществляется между достаточно сильными акторами, обладающими серьезными ресурсами и неплохим запасом прочности. Поэтому, ожидать какой-либо конфронтации и прямого столкновения здесь не приходится. Стороны (власть и со-

противление) с большим удовольствием предпочитают позиционно-тактические игры и по мере необходимости – торг, нежели прямое подавление и обострение отношений. На наш взгляд, данная модель является достаточно жизнеспособной. Иллюстрацией данной модели может стать ситуация в ряде субъектов РФ, где существует консенсус между ключевыми политическими акторами.

Власть слабее сопротивления

Третий сценарий предполагает, что власть оказывается слабее сопротивления. Это можно представить в следующей формуле: $A < B$.

Данный сценарий показывает относительную слабость самой позиции власти. Любая правящая элита оказывается «расстрельной» (яркий пример – А. Яценюк и его кабинет в условиях политического кризиса в Украине в 2014 г.). Вероятность смены власти на кого-либо из представителей сопротивления существенно повышается в условиях политических и экономических кризисов. Оппозиция очень чутко реагирует на неэффективную политику правящей элиты и не предоставляет ей шансы на исправление ситуации. Самая уязвимая позиция власти – время политических и экономических кризисов, когда власть реально не может удовлетворить общественные ожидания, которые, в свою очередь, постоянно повышаются.

Нужно отметить, что в демократических системах смена власти не означает, что после процедуры выборов правящая элита может расслабиться, и позволить себе некую передышку, предвкушая длинный политический цикл. Наоборот, новая элита оказывается в ситуации, когда против нее запускается полноценный информационный, экономический, и социальный ресурс. Ментально появляются недовольные новой властью, несмотря на определенный запас доверия к ней. Начинают работать оппозиционные СМИ. Новая элита сразу же попадет в фокус критики представителей бывшей правящей элиты, ушедшей в оппозицию.

Нельзя сбрасывать со счетов и общественные настроения. Некоторые исследователи склонны видеть зависимость между результатами проводимой политики конкретной элитой и готовностью общества ее поддерживать.

В частности, подобной точки зрения придерживается Г. Голосов, считающий, что «существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов» [Голосов, 1997, 45]. Безусловно, подобные предположения отправляются от неких идеальных моделей демократии, где представители любой власти живут в постоянном ощущении тревоги за свое политическое будущее в случае излишне опрометчивой политики.

Опыт сопротивления власти наделяет слабую сторону довольно сильными рычагами давления на власть. Правило демократии требует, чтобы власть не закукливалась и не теряла своей публичности и прозрачности.

На наш взгляд, следует признать, что возможность использования силы сопротивления нарастает по горизонтальной оси – с Востока на Запад, и по вертикальной – с Юга на Север. Так постепенно в арсенале оппозиционных акторов появились такие серьезные рычаги влияния на президента как импичмент и вотум недоверия правительству, право на оппозицию и т. д. Все эти формы лишней раз подтверждают существование в западной политической традиции полноценного института сопротивления, проверенного временем и соответствующей политической и правовой практикой.

Еще одним подтверждением справедливости нарастания демократии с Востока на Запад может служить опыт США. Как однажды иронично выскажется по этому поводу французский исследователь Ц. Тодоров, «в одной из британской колонии группа людей сделает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит свое право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика» [Тодоров, 2010, 34].

Вообще, чем дальше на Запад, тем более справедливой выглядит мысль итальянского религиозного философа А. Сколы, концентрирующая в себе западное понимание власти как таковой. «Политическая и государственная власть не священны и, следовательно, не обладают неограниченным могуществом», – замечает А. Скола [Скола, 2013, 26].

На наш взгляд показательно, что подобное установление является частью правового и этического дискурса европейских государств. Ощущение хрупкости политической и государственной власти, их шаткости (в смысле присутствия у власти определенного состава политиков) в значительной сте-

пени определяет традицию последующего ощущения и понимания политической конструкции. Как отмечает Ю. Хабермас, «определенное самопонимание моральных личностей, осознающих свою принадлежность к моральной общности» [Хабермас, 2001, 92] само по себе является определенным условием справедливого отношения.

Ситуация, когда власть (какой бы успешной она не была) оказывается заложником у сильной оппозиции, является важным мотивирующим началом для самой власти. Правящая элита будет вынуждена много работать, будучи заинтересованной в позитивных изменениях, чтобы оправдать общественные ожидания и несколько дискредитировать саму оппозицию, излишне концентрирующуюся на критике.

Заключение

Таким образом, политический процесс нужно представлять в постоянной динамике, выражающейся посредством постоянной борьбы власти и сопротивления за позицию. Политический процесс в данном контексте начинает сводиться к поиску оптимального баланса между властью и сопротивлением. Сопротивление, нарастающее в результате чрезмерного давления власти на общественное тело, только усиливает свое давление на власть в других формах, пытаясь заполнить дискурсы, где власть не имеет подавляющего преимущества над обществом. Гражданское общество, инициативы и запросы которого реализуются в «сопротивлении» находится в постоянном поиске подобных рычагов воздействия на власть. Как справедливо отметил А. Скола, «гражданское общество находится в состоянии безостановочного развития» [Скола, 2013, 16], что постепенно наделяет сопротивление дополнительными шансами противостояния власти.

Но можно отметить и следующее. Общество, чрезмерно влияющее на власть и формирование ситуации, при которой взаимодействие между властью и сопротивлением будет постоянно сводиться к третьему сценарию, где власть оказывается слабее сопротивления ($A < B$), может, в конце концов, стать причиной разочарования в демократической вольнице. В таком случае будет актуален общественный запрос на некоторое смещение баланса в пользу сильной власти.

Безусловно, опыт противостояния власти и сопротивления не является универсальным и варьируется в зависимости от доминирующего типа политического режима, и связанного с ней типа политической культуры.

Библиография

1. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. – 1997. – №4. – С. 44-56.
2. Гуревич П.С. (сост.) Философия. Хрестоматия. – М.: Гардарики, 2002. – 453 с.
3. Скиперских А.В. Интеллектуалы в процессе становления демократических институтов в постсоветском Узбекистане // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 51-56.
4. Скола А. Христиане в обществе различий. – М.: Духовная библиотека, 2013. – 182 с.
5. Тодоров Ц. Дух Просвещения. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
6. Фуко М. Восставать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 16-20.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.

Power and resistance in the political process

Aleksandr V. Skiperskikh

Full doctor of political science,
professor of Humanities department,
Higher School of Economics National Research University,
614070, 38 Studencheskaya str., Perm, Russian Federation;
e-mail: AVSkiperskikh@hse.ru

Abstract

The relationship between power and resistance are in constant dynamics. The dominant type of political regime determines how much can be promising this or that configuration of relations between the ruling elite and the opposition elite and the dominant political culture shapes public perceptions of existing scenarios of political competition. In this article the author presents possible scenarios of interaction between power and resistance. From the point of view of the author, all scenarios, one way or another, speak of the existence of political practice with the dominant actor – the ruling elite or the opposition elite. The author shows and describes the another scenario where power and resistance have approximately equal chances of control of political discourse, which indicates the existence within a given real democratic practice, which is expressed in the competition and the likelihood of unpredictable outcome of the confrontation between the government and the opposition.

For citation

Skiperskikh, A.V. (2014) Vlast' i soprotivlenie v politicheskom protsesse [Power and resistance in the political process]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5, pp. 14-25 (In Russian).

Keywords

Power, resistance, opposition, opposition elite, ruling elite, political process, protest.

References

1. Foucault, M. (2011) Vosstavat' bespolezno? [Useless to revolt?]. *Neprikosnovennyi zapas*, 5 (79), pp. 16-20.
2. Golosov, G.V. (1997) Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov [The behavior of voters in Russia: theoretical perspectives and the results of regional elections]. *Polis*, 4, pp. 44-56.
3. Gurevich, P.S. (sost.) (2002) *Filosofiya. Khrestomatiya* [Philosophy. A Reader]. Moscow: Gardariki.

4. Habermas, J. (2001) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [*Involvement of the other. Essays in political theory*]. Saint Petersburg: Nauka.
5. Scola, A. (2013) *Khristiane v obshchestve razlichii* [*Christians in the society of differences*]. Moscow: Dukhovnaya biblioteka.
6. Skiperskikh, A.V. (2011) Intellektualy v protsesse stanovleniya demokraticheskikh institutov v postsovetskom Uzbekistane [Intellectuals in the process of formation of democratic institutions in the post-Soviet Uzbekistan]. *Sotsium i vlast'* [*Society and power*], 1, pp. 51-56.
7. Todorov, Tz. (2010) *Dukh Prosveshcheniya* [*Spirit of Enlightenment*]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.